

SOME PROBLEMS OF THE EPONYMATE IN ANCIENT SOUTH ARABIA

by G. Bauer

The author discusses the interpretation of the eponymate given by Lundin in the following studies: A. G. Lundin, *Sabeiskii eponimat i sabeiskaya khronologiya*, XXVI Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady sovetskoï delegatsii, M., 1963; A. Loundin et J. Ryckmans, *Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et du-Raydān*, «Le Muséon», LXXVII, 3–4, 1964; A. G. Lundin, *Die Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Ḥalīl)*. Sammlung Ed. Glaser V (SBAWW, phil.-hist. Kl., Bd. 248, Abh. I), Wien, 1965; A. G. Lundin, *Dopolneniya k spisku sabeiskikh eponimov*, VDI, 1966, 3.

Lundin bases his studies principally on the well known work by A. F. L. Beeston on calendar and dating systems in ancient South Arabia, and also on new epigraphical material. Although Lundin's work has undoubtedly made some progress towards solving one of the most important problems in the chronology of ancient South Arabia, the following comments must be made:

1. In treating the Qataban eponymate Lundin starts from purely speculative conclusions. There are, nevertheless, in our opinion, perfectly clear and direct indications that the office of eponymus could be held for two years in succession. A comparison with the Minaean and Sabaeon eponymates does not bar the conclusion that in Qataban we are dealing with a peculiar form of one-year double eponymate (the second eponymate following directly after the first). We may speak with no less certainty of a one-year double eponymate in Main.

2. The explanation proposed by Lundin of the «first» and «last» (seventh) years of sabaeon eponymate is not convincing. Inscription 735 is not explained at all satisfactorily.

3. The hypothesis of a seven-year eponymate in Saba bears a purely speculative character and finds no confirmation in the epigraphical material.

4. In translating inscription 615 Lundin mistakenly omitted a whole piece of text whose explanation calls for quite different conclusions. In general the order of the holding of the offices of the eponymi proposed by Lundin is in the highest degree conjectural.

5. The possibility cannot be excluded that in early and middle Saba the eponymate was annual and single, while in the late period it was annual and multiple.

6. Lundin's list of Sabaeon eponymi in the epoch of «the kings of Saba and du-Raydan», is at least 90% doubtful, contains a considerable number of factual errors, does not always take into account paleographical and other evidence, and cannot be considered at all reliable.

ЮЖНОФРАКИЙСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ

VI—V вв. до н. э.

Существенным этапом развития человеческого общества является переходный период от родового общества к классовому, период образования племенных союзов.

В настоящей статье будет предпринята попытка решения вопроса о закономерности такого этапа¹ на примере истории фракийских племен, одной из наиболее значи-

¹ «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164).

тельных древних популяций Балкано-Дунайских земель, игравшей в античную и раннесредневековую эпохи весьма значительную роль в этнической, экономической, политической и культурной истории этих областей.

Античная историческая традиция передает нам сведения о союзах племен у фракийцев, населявших земли к северу от Балканских гор, в Карпато-Дунайском районе. Нам хорошо известны союзы гетов под руководством Дромихета (III в. до н. э.) и гето-даков под руководством Буребисты (I в. до н. э.), объединявшие крупные племенные массивы и бывшие достойными военными противниками государственных и племенных объединений северо-восточной части эллинистической и римской ойкумены. Если первый из этих союзов представлял собой более раннюю ступень объединения племен, то второй уже непосредственно предшествовал и подготовлял возникновение в начале II в. н. э. государства гето-даков, руководимого грозным противником Римской империи — Децебалом.

Вполне закономерен вопрос о том, были ли союзы племен также и у южных фракийцев, у которых сравнительно рано, уже в V в. до н. э., возникло раннеклассовое государство под руководством одриссов. Имеются ли конкретные исторические свидетельства того, что и южнофракийские племена прошли ступень племенных союзов, подготовивших возникновение государства?

Для решения этого вопроса мы располагаем отрывочными свидетельствами письменных источников, которые подтверждаются, как нам представляется, очень интересными нумизматическими данными. Разбор и сопоставление этих свидетельств приводят нас (во всяком случае в отношении части южнофракийских племен, обитавших по побережью Эгейского моря) к положительному решению этой проблемы.

Обратимся прежде всего к нумизматическим источникам. Речь идет об относительно богатых сериях серебряных монет, обычно фигурирующих в нумизматических корпусах (Бабелона, Имхоф-Блумера, Хэда, Геблера и др.) под названием фрако-македонских² (рис. 1). Эти монеты относятся, по единодушному мнению всех нумизматов, ко второй половине VI и началу V в. до н. э., т. е. к периоду, предшествовавшему македонскому завоеванию страны.

Мы должны прежде всего обосновать правомерность наименования наших монет фракийскими и возможность использовать их в качестве источника по социально-политической истории Фракии, тем более, что такая атрибуция этих монет встречает иногда возражения³.

Первым обстоятельством, позволяющим считать, что интересующие нас монеты выпускались фракийскими племенами, являются надписи (легенды) на этих монетах: они говорят, что монеты выпущены от имени племен бизалтов (ΒΙΣΑΛΤΙΚΟΝ [βισαλτιον, σῆμα или νόμισμα]), дерронов (ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΝ), орресков (ΟΡΡΕΣΚΙΟΝ), ихнов (ΙΧΝΑΙΟΝ), дионисиев (ΔΙΟΝΥ...), тинтенон (ΤΥΝΤΕΝΟΝ), зеелиев (ΖΑΙΕΛΕΩΝ)⁴. Особый интерес представляет надпись ΓΕΤΑΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΗΔΩΝΑΝ, свидетельствующая об участии и племени эдонов в выпуске монеты.

Из племен, названия которых фигурируют в монетных легендах, бесспорно фракийским является племя эдонов, что засвидетельствовано богатой литературной традицией⁵ и мифологией (царь эдонов — фракиец Ликург; родоначальник эдонов Эдон — внук Нестя и сын Пангея).

Фракийским племенем были и бизалты, царем которых, как сообщает Геродот (VIII, 116), был фракиец и которых тот же Геродот называет «верхними фракийцами»

² Наименование монет объясняется, видимо, тем, что выпуск их осуществлялся в крайней юго-западной части Фракии, которая позднее попала под македонское владычество.

³ I. N. S v o r o n o s, L'hellénisme primitif de la Macédoine, «Journal international d'archéologie numismatique», XIX, 1918—1919.

⁴ Т. е. «бизалтская (или дерронская, или тинтенская и т. д.) монета».

⁵ H e r o d. VII, 110; S t r a b o VII, fr. 11; X, 3, 16; S t e p h. B y z. s. v; P l i n., NH IV, 50; P t o l. III, 3, 31.

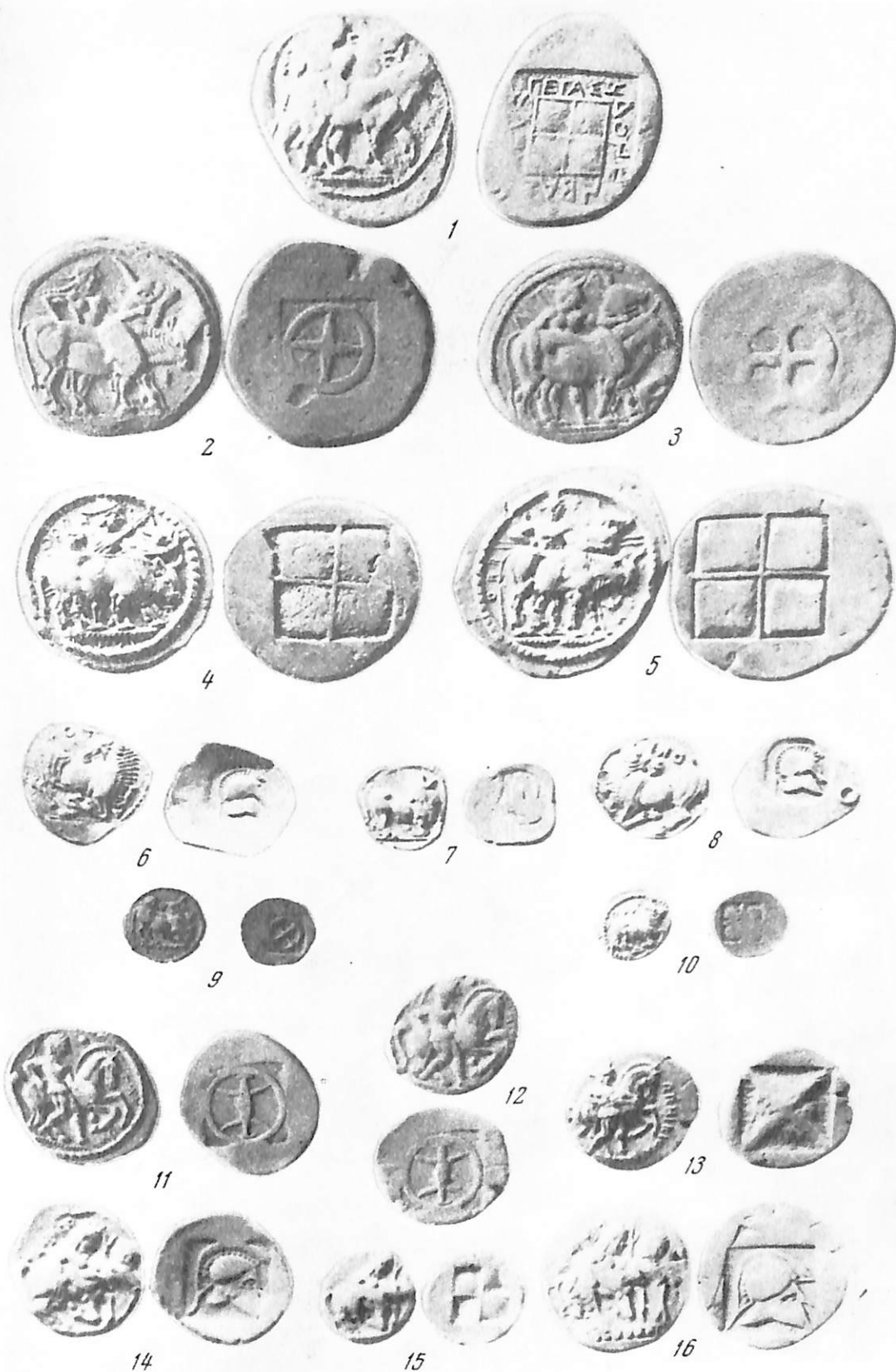

Рис. 1. Монеты фракийских племен. 1-й тип изображений: 1 — монета царя эдонов; 2—3 — монеты ихнов; 4—5 — монеты орресков; 2-й тип: 6—8 — монеты царя дерронов; 9 — монета ихнов; 10 — монета орресков; 3-й тип: 11—12 — монеты ихнов; 13 — монеты орресков; 4-й тип: 14—15 — монеты орресков; 16 — монета ихнов

(VIII, 115); и более поздние авторы — Страбон (VII, fr. 11) и Конон (Photii excerpt., cod. 186, cap. 20) причисляют бизалтов к фракийцам; важны в этой связи и аргументы Г. Кацарова⁶, который отметил, что название бизалтов сближается с фракийским прозвищем Геракла — Βεισαλτηνός.

Фракийским было, как нам представляется, и племя дерронов. Т. Рейнах и Д. Децев указывали на то, что с лингвистической точки зрения название «дерроны» можно идентифицировать с именем деррайев⁷, которых Геродот называет, как сообщает Стефан Византийский (s. v.), дерсайями; это же племя и у Геродота (VII, 110) и у Фукидида (II, 101) определено отнесено к числу фракийских. К этому следует добавить, что вообще корень -δερ- очень распространен у фракийцев⁸.

В. Лик привел веские аргументы в пользу того, что оррески, наименование которых известно только по монетам, идентичны сатрам античной литературной традиции — крупнейшему фракийскому племени, владевшему богатыми серебряными рудниками в Пангейских горах⁹.

Упомянутые племена эдонов, бизалтов и дерронов (дерсайев) античные географы и историки локализируют в нижнем междуречье рек Аксия (совр. Вардар), Стримона (совр. Струма) и Неста (совр. Места). Эти области, как нам уже приходилось отмечать¹⁰, прочно входили в границы Фракии. При этом мы исходили из данных древнего этнографа и географа Гекатея (VI в. до н. э.), называющего ряд городов и племен (в том числе между прочими — сатров, fr. 168 и дарсиев = дерсайев, fr. 186) этих земель фракийскими городами и фракийскими племенами. Юго-западная граница Фракии проходила, согласно Гекатею, даже не по Аксию, а еще западнее, так как первой не фракийской, а македонской рекой он считает Лойдий (совр. Мегленица). Столь же опрделенны и сведения Геродота, который всю землю, лежащую между Нестом, Стримонам и Аксием, дважды называет Фракией (V, 10 и 17). Лингвистические исследования, основанные на распространении собственных имен и глосс, также дают основание говорить о сплошном распространении фракийского языка от устья Аксия до Босфора Фракийского¹¹.

Таким образом, чеканившие монету племена бизалтов, орресков и дерронов, а также земли, занятые ими в это время, следует считать фракийскими.

Есть достаточно оснований для локализации и других племен, чеканивших монету (т. е. тинтенов, ихнов, зеслиев, дионисиев), во фракийских областях междуречья Аксия и Неста и для отнесения и их к числу фракийских племен. Еще И. Своронос локализовал их в этом районе¹², хотя он и считал их пеонами. Такая локализация подтверждается также полным совпадением стиля, фактуры, весовых стандартов и типов монет этих племен с соответствующими показателями монетной чеканки названных выше фракийских племен, безусловно живших на этих землях. А о том, что южная часть междуречья Акси́й — Нест принадлежала Фракии, мы уже говорили. Изложенные соображения и дают, как нам кажется, основание использовать все эти монеты для изучения поставленной проблемы.

При сопоставлении изображений на монетах, чеканенных от имени разных фракийских племен и их царей-басилевсов, обращает на себя внимание одно чрезвычайно важное, на наш взгляд, обстоятельство — в ряде случаев эти изображения совпадают. Можно констатировать полное совпадение (не только сюжетное, но и композиционное,

⁶ Г. И. Кацаров, Пеония, София, 1921, стр. 37.

⁷ Th. Reinach, Monnaie inédite des derrones, Rev. Num., 1897, стр. 121; D. Detschew, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957, стр. 120, 127.

⁸ Detschew, ук. соч., стр. 127 сл.

⁹ W. M. Leake, Northern Greece, т. III, L., 1835, стр. 213.

¹⁰ Т. Д. Златковская, Границы и этнические проблемы Фракии VII—V вв. до н. э. Доклад на конференции по изучению проблем античности (Ленинград, 1964 г.), ВДИ, 1964, № 3, стр. 231.

¹¹ Detschew, ук. соч., стр. V.

¹² Svoronos, ук. соч., passim.

и стилистическое, иногда доходящее до совпадения во всех деталях) типов лицевой стороны монет в следующих случаях:

I тип. Обнаженный человек в широкополой шляпе, идущий между двумя ведомыми им быками. Это изображение фигурирует на монетах эдонов, ихнов и орресков.

II тип. Коленопреклоненный бык. Этот тип встречается на монетах дерронов, ихнов и орресков.

III тип. Воин в доспехах, сдерживающий за узду двумя руками скачущую галопом лошадь. Монеты с этим типом выпускали ихны, оррески и тинтенны.

IV тип. Бородатый кентавр с лошадиными ушами, держащий на коленях сопротивляющуюся ему нимфу. Этот тип встречается на монетах орресков, летайев, зеелиев, дионисиев и еще какого-то фракийского племени, чьи монеты выпускались антиграфными.

Сходство монетной типологии в чеканке различных южно-фракийских племен не ограничивается изображениями на лицевой стороне монет; следует отметить и случаи совпадения типов оборотной стороны. Так, изображение коринфского шлема присутствует на реверсе монет орресков, летайев, дерронов и неизвестного нам по названию южнофракийского племени. Изображение колеса с изогнутыми спицами встречается на монетах тинтенов и ихнов. Нельзя не обратить внимания и на существование общих дополнительных знаков на монетах различных племен. К таковым следует отнести знак в виде круга с точкой в середине и его многочисленные варианты на монетах дерронов, орресков, тинтенов, ихнов, бизалтов. На монетах дерронов и бизалтов часто в виде дополнительного символа фигурирует коринфский шлем, играющий в других случаях, как мы видели, роль основного реверсного типа. Дополнительный знак в виде головы сатира изображался на монетах орресков и бизалтов. Общим и очень часто повторяющимся дополнительным знаком является и цветок (бутон розы) на монетах дерронов, орресков и неизвестного южнофракийского племени.

Отмеченная особенность раннефракийской чеканки, как нам представляется, весьма знаменательна. В античную эпоху (как, впрочем, и в последующее время) изображениям на монетах придавалось большее значение, и монетные типы никогда не выбирались случайно, а были символами, определяемыми экономическими, политическими, культовыми и другими особенностями и связями того полиса, монархии или иного государственного образования, от чьего имени осуществлялся выпуск монеты. Случаи совпадения монетных типов или дополнительных символов в чеканке разных центров также не могут считаться случайными и требуют объяснения. А priori можно было бы сказать, что совпадение монетных типов, всегда в какой-то степени являющихся символами власти, означает единство и самой власти, выпустившей однотипные монеты, и что перед нами, таким образом, доказательство существования какой-то формы политического объединения нескольких фракийских племен. Но отсутствие бесспорных письменных источников, которые могли бы подтвердить самый факт существования такого объединения и пролить свет на его характер, заставляет нас обратиться к рассмотрению аналогичных явлений в чеканке других областей античного мира¹³.

¹³ К сожалению, мы лишены возможности привести аналогии из монетной чеканки других племен, стоявших на более близкой к фракийским племенам, чем греко-Балканах и в придунайских странах, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и других областях) имела место не оригинальная чеканка, а подражания особенно распространены в греческом и римском монетам. Образцами для этих так называемых «варварских подражаний» служили чаще всего тетрадрахмы Афин или статеры и тетрадрахмы эллинистических монархий. Из-за копирования неумело исполненных изображений типы монет у различных племен приобретали свои особенности, однако сходство все же сохранялось. Оно объяснялось, естественно, только тем, что в основе подражаний лежали одни и те же образцы (см. А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 101 сл.).

С другой стороны, привлечение в качестве аналогий монет греческих полисов кажется нам вполне возможным в силу совпадения основных принципов чеканки монет в греческих полисах и у фракийских племен (весовые стандарты, художест-

В истории греческого монетного дела, одновременного раннефракийской чеканке, можно наблюдать несколько случаев появления одинаковых аверсных или реверсных типов (или и тех и других вместе) на монетах, выпускавшихся различными греческими полисами или малоазиатскими монархиями. Прежде всего следует назвать монеты VI — начала V вв. до н. э. греческих городов, входивших в Беотийский союз. На лицевой стороне монет различных городов союза помещалось одно и то же изображение беотийского щита, а оборотные стороны отличались обозначением начальной буквы названия того города, которым была выпущена монета: Θ — Фивы, Γ — Танагра и т. д.¹⁴ Как известно, Беотийская лига в этот период представляла собою союз независимых полисов, имевших различное устройство, не регулировавшееся союзной конституцией, и различное законодательство. Во внутренних делах полисы были автономны. Союз в это время имел общие функции только внешние (ведение войн) и религиозные, связанные с общесоюзным культом и охраной общебеотийских святилищ. Единство монетной чеканки беотийских городов, однако, свидетельствует о вмешательстве союзных органов во внутреннюю политическую жизнь полисов и о стремлении создать внутрисоюзное экономическое единство¹⁵. Существенно, что позже, по мере усиления объединительных тенденций в союзе, на монетах главенствующего города появляется общебеотийская надпись, а в период полной гегемонии Фив (379—338 гг. до н. э.) местная чеканка других городов была совсем прекращена, Фивы же выпускали федеральную монету с именем одного из беотархов.

Другой пример — чеканка Ликии V и IV вв. до н. э. (до 323 г.). Отдельные города и династы Ликии выпускали монеты, имевшие самые различные изображения на аверсе, но совпадавшие по типу оборотной стороны, на которой помещался трискеллий или тетраскеллий. Исходя из имеющихся скудных сведений об этой раннеликийской лиге, можно заключить, что задачи ее ограничивались лишь военными целями¹⁶, а также фискальными функциями (совместная выплата фороа Афинам — CIA, I, 234). Характерно, что во время существования позднейшей Ликийской лиги, во II в. до н. э., когда 23 города этой страны имели общесоюзный орган управления, ведавший общими финансами и выбиравший должностных лиц (в том числе и общие судебные органы), характер монетной чеканки был уже иным. В этот период города — члены Ликийской лиги — чеканят монеты с одинаковыми аверсами (общеликийский символ — Аполлоской лиги — чеканят монеты с одинаковыми аверсами (общеликийский символ — Аполлон Ликийский) и реверсами, а также с обобщающей легендой $\Lambda\Upsilon\text{K}\text{I}$ или $\Lambda\Upsilon\text{K}\text{I}\Omega\text{N}$; монеты различаются только начальными буквами названий городов¹⁷.

Не меньший интерес представляют и монеты греческих городов побережья Малой Азии и островов начала IV в. до н. э., имеющие одинаковый тип аверса и самостоятельные типы реверса. Значение общего аверса в данном случае объяснено надписью на самих монетах — $\Sigma\Upsilon\text{N}$ — $\sigma\upsilon\nu\mu\alpha\chi\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\nu$ [$\nu\acute{o}\mu\iota\sigma\mu\alpha$], свидетельствующей о существовании политического союза городов; этот союз имел целью, как показали исследования¹⁸, охрану независимости его членов от покушений со стороны Афин или Спарты.

Несмотря на специфику архаической южноиталийской чеканки, где союзные отношения между городами отразились в появлении в начале V в. до н. э. монет, имеющих с одной стороны выпуклое изображение эмблемы одного города, а с другой —

венные и стилизованные особенности изображений и т. п.). Весьма вероятно, как это указывалось в нумизматической литературе, многие из наших фракийских монет чеканились на монетных дворах соседних греческих полисов. Это еще больше увеличивает возможность подходить к объяснению общих типов изображений на них с точки зрения принципов монетного дела, существовавшего в эллинистическом мире.

¹⁴ B. V. Head, On the Chronological Sequence of the Coins of Boeotia, «Numism. Chronicle», 3 сер., I, 1881, стр. 177—280; он же, Historia numorum, Oxf., 1911, стр. 347.

¹⁵ С. Я. Лурье, Беотийский союз, СПб., 1914.

¹⁶ Herod. VII, 92; Diod. XI, 2; I, 3, 7.

¹⁷ G. F. Hill, BMC, Lycia, Pamphilia, Pisidia, L., 1897; он же, Ancient Greek and Roman Coins, Chicago, 1964, стр. 109—110; Head, Historia numorum, стр. 690 слл.

¹⁸ W. H. Waddington, Confédération de quelques villes de l'Asie Mineure et des îles après la bataille de Cnide, Rev. Num., 1863.

символ другого, сделанный во вдавленной технике (так называемые *puncti incusi*), и здесь мы видим соблюдение того же принципа: общий сюжет на монетах означает политическое объединение государств, выпускавших этого рода монеты¹⁹.

Примеры можно было бы умножить. Все они свидетельствуют о том, что выпуск монет с одинаковыми изображениями означал политическое объединение выпускавших их полисов или династий. В таком случае отмеченная особенность раннефракийских монет также должна являться свидетельством политического объединения южнофракийских племен.

Мы далеки от того, чтобы проводить аналогии между внутренней организацией союзов эллинских городов и союза фракийских племен. Однако степень объединения может подвергаться сравнению. Можно убедиться в том, что совпадение монетного типа возрастает по мере усиления объединительных тенденций союза. Совпадение только типов аверса или типов реверса знаменует собой не полную централизацию власти в союзе, а лишь появление отдельных общих функций у его членов.

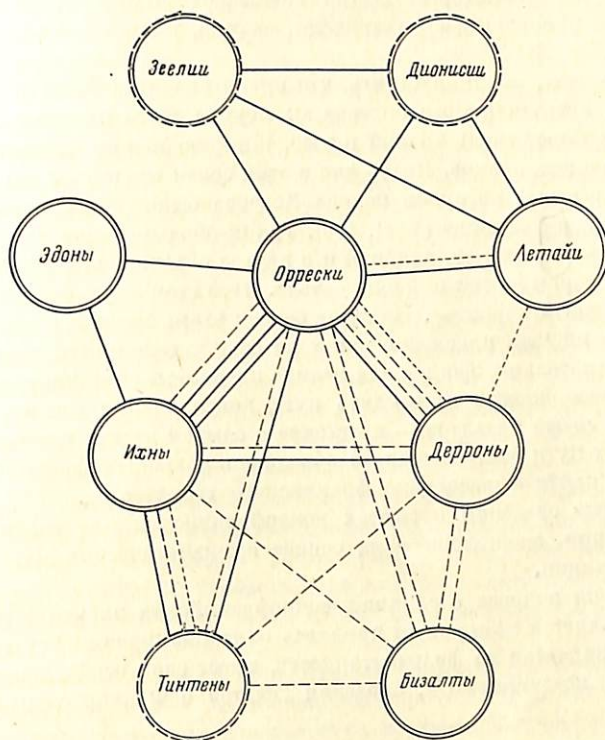
Таким образом, нумизматический материал не дает оснований считать, что южнофракийские племена в VI — начале V вв. до н. э. были объединены в четко оформленный единый союз. Такой вывод основан на отсутствии общесоюзной, выпускаемой от имени всех племен, монеты, которая должна была бы иметь единую общую легенду (типа ΒΟΙΩΤΩΝ или ΛΥΚΙΩΝ) или же общий тип аверса, как, например, беотийский щит для членов Беотийской лиги, или реверса, как, например, трискелий для членов малоазиатского союза. Следует принять во внимание также и то обстоятельство, что в чеканке каждого племени, даже при наличии общих монетных типов, все же были свои специфические черты, различающие монеты разных племен. Совпадение отдельных элементов монетного типа никогда не бывает полным²⁰, т. е. совпадая, скажем, по аверсу, монеты обязательно отличаются реверсами и т. п. Поэтому монеты одного племени всегда можно отличить от монет другого, даже если они анаэпиграфны. Видимо, мы имеем здесь дело с очень сложной системой мелких объединений, входящих в единый южнофракийский союз, выполнявший, впрочем, чрезвычайно ограниченные функции и характеризующийся довольно аморфной структурой.

Исходя из того, что изображения на аверсе и реверсе монет более существенны, чем дополнительные значки, можно считать, что оррески, имеющие общие аверсы монет со всеми племенами, кроме бизалтов, были постоянным членом объединения, наиболее прочно связанным со всеми остальными (рис. 2). Действительно, аверсы монет этого племени совпадают с аверсными типами чеканки ихнов, эдонов, дерронов, тинтонов, летаев и неизвестного племени, а реверсы — с реверсами монет дерронов, тинтонов, летаев и неизвестного племени. Наиболее прочную связь племя орресков имело с ихнами (совпадение по трем типам аверса и по одному типу реверса), меньшую — с другими племенами (совпадение лишь по одному из типов аверса).

¹⁹ Речь идет о монетах, битых Кротомом и Темезой (треножник и $\Phi\rho\omicron$ — с одной стороны, шлем и $\Gamma\epsilon$ — с другой), Кротомом и Пандосией (треножник и $\Phi\rho\omicron$; бык и $\Pi\alpha\nu\delta\omicron$), Кротомом и неизвестными городами (Π , IA , PA — с одной стороны и три италийских городов (He a d , *Historia numorum*, стр. 83 сл., 95, 105; *R. S. P o o l*, *Traité des monnaies grecques et romaines*, II, 4, P., 1907, стр. 283, 287, 357; *E. B a b e l o n*, то, что некоторые нумизматы (*C. T. S e l t m a n*, *Greek Coins*, L., 1933, стр. 77) усомнились в специфике этой чеканки проявления влияния пифагорейской доктрины здесь или указание на существование политического союза, имевшего целью защиту против соседних воинственных племен самнитов и др. (*P. G a r d n e r*, *A History of Ancient Coinage*, Oxf., 1918, стр. 205; *D. R. Maciver*, *Greek Cities in Italy and Sicily*, Oxf., 1931, стр. 59 сл.), или же доказательство захвата Кротомом ряда городов по-lands im 5. Jahrhundert, «Hermes», LIII, 1918, № 2, стр. 180—187; с ним согласен Филипп — *P h i l i p p*, *Kroton*, RE, XI, 1922, стб. 2023).

²⁰ Исключение составляют только монеты ихнов и тинтонов, о чем будет сказано ниже.

Мы уже говорили о том, что есть некоторые данные, чтобы предполагать идентичность орресков с сатрами, крупным племенем в Пангейских горах, хорошо известным античной традиции. Существенная роль, которую играло, судя по приведенной схеме, это племя в союзе, делает такое предположение более обоснованным. Именно оррески, как нам представляется, находились в центре объединения фракийских племен.

Связи:

— По типу аверса

- - - По типу реверса

- - - - По дополнительным знакам

Рис. 2. Схема политических взаимосвязей между южнофракийскими племенами, входившими в племенной союз

Монеты свидетельствуют также о тесных связях ихнов с другими членами союза, однако это племя играло, вероятно, меньшую роль в объединении, чем оррески. С этим наблюдением, основанным на совпадении типов монет, согласуются и другие данные, приводящие нас к заключению, что в экономическом отношении оррески были более сильными, чем ихны. На это указывает и то, что монетная чеканка орресков была более интенсивна или более продолжительна, чем чеканка ихнов²¹; и то, что оррески выпускали монеты пяти номиналов (октодрахмы, статеры, октоболы, диоболы и оболы), а ихны — только четыре (нет оболов); и то, что оррески выпускали монеты с четырьмя типами лицевой стороны, а ихны — с тремя.

²¹ До нас дошло 37 монет орресков и только 19 монет ихнов. Даже принимая во внимание момент случайности, мы все же полагаем, что перевес числа найденных монет орресков настолько велик, что дает основание для подобного вывода.

Ясно, однако, что внутри этого большого объединения южнофракийских племен были меньшие, иногда более тесные союзы. Так, самым прочным было объединение ихнов и тинтенов. Их монеты типологически совпадают полностью, отличаясь только легендами — признак того, что полного слияния этих двух племен все же не произошло. Другое объединение составляли летайи, зеелли, дионисии и неизвестное нам по имени племя, монеты которых всегда совпадают по аверсу. Более прочные связи, чем с другими племенами, существовали, видимо, у орресков с ихнами и у орресков с дерронами.

С другой стороны, можно заметить, что племя бизалтов было явно более независимым от союза, возглавляемого орресками: монеты этого племени связаны с большинством других монет лишь тонкой нитью, которую можно провести на основании общих дополнительных знаков. Интересно в этой связи свидетельство Геродота о том, что бизалты и крестоны во время похода Ксеркса были объединены, находясь под властью одного царя-фракийца (VIII, 116). Таким образом, ясно, что бизалты, наиболее западное из наших племен, входили и в другое объединение, расположенное к западу от того, о котором до сих пор шла речь²². При этом союз бизалтов с крестонами носил весьма прочный характер. Наличие связей этого союза с объединением десяти южнофракийских племен, прослеживаемых по общим дополнительным монетным знакам, весьма знаменательно. Так же как мелкие племенные объединения типа ихнов — тинтенов дают возможность проследить пути консолидации племен внутри одного союза, так связи союза бизалтов — крестонов с союзом десяти племен во главе с орресками намекают пути более широкого объединения южных фракийцев, по которым и должно было пойти образование фракийского государства.

Весьма ценные сведения о союзах южнофракийских племен, подтверждающие наши представления, сложившиеся на основе нумизматических материалов, дают и письменные источники.

Для выяснения вопроса о слиянии южнофракийских племен в племенные объединения представляется возможным привлечь описание Фракии Гекатеем, этническая карта которого, несмотря на фрагментарность, имеет свои особенности по сравнению с более поздними источниками²³. Сведения Гекатея о Фракии очень детальны и ка-

²² Крестония размещалась на территории между верхним течением реки Эхидор, левого притока Вардара, и озером Больбе (H e r o d. V, 3, 5; VII, 124, 127).

²³ Даты жизни Гекатея Милетского точно не установлены, но все исследователи сходятся на том, что он жил в пределах 560—480 гг. до н. э. (G. N e n c i, *Hecataei Milesii Fragmenta*, Firenze, 1954, стр. X; F. J a c o b y, *Hecataios*, RE, VII, 1919, стб. 2669—2670). Вопрос о времени, которое нашло отражение в отрывках Гекатея о Фракии, довольно сложен. Думается, нет достаточных оснований для утверждения, что оно должно быть ограничено только периодом жизни Гекатея, т. е. VI в. до н. э. Можно говорить лишь, что в некоторых отрывках Европейской периегесы (вернее, в одном из них — fr. 166 о персидской колонии Борюксе) описана Фракия конца VI в. до н. э. В целом же источник сведений Гекатея о Фракии следует, как нам кажется, отнести к более раннему периоду, чем время его жизни, может быть к VII в. до н. э. В конце VIII—VII вв. до н. э. на юге Фракии, по побережью Эгейского моря и особенно на Халкидике, возникло множество греческих колоний, и знакомство греков с южнофракийскими областями, о которых Гекатей дает так много сведений, было весьма интенсивным. Колонизация этого побережья проводилась главным образом ионийскими греками, и знания о Фракии, отраженные в труде Гекатея, возможно, были почерпнуты в эту раннюю пору греческой колонизации.

Это предположение находит подтверждение в нескольких моментах. Во-первых, Маронея у Гекатея названа городом киконев (fr. 152), между тем, как известно, еще в VII в. этот город был захвачен греками с Хиоса. В связи с этим сведения Гекатея о Маронее следует отнести к периоду до захвата этого города греками, т. е. ко времени не позже VII в. до н. э. Во-вторых, если принять во внимание *argumentum ex silentio*, то нельзя ли полное отсутствие упоминаний у Гекатея западнопонтийских греческих городов считать свидетельством того, что они еще не были основаны, и отнести источники Гекатея о Фракии к эпохе до их основания, т. е. к первой половине VII в. до н. э.? Следует, в-третьих, обратить внимание и на то, что Геродот в ряде мест, посвященных Фракии, как бы полемизирует с каким-то автором, сообщавшим о давно миновавших временах. Так, например, перечисляя города, которые миновал флот Ксеркса

саются не только прибрежной полосы, но и мест, лежащих в глубине страны. Его авторитет в вопросах этнической географии Фракии в эпоху античности и в раннем средневековье был настолько велик, что Стефан Византийский, писавший свой труд более чем через тысячу лет, пользовался для описания Фракии сведениями Гекатея в большей мере, чем каким-либо иным источником.

Гекатей называет 12 племен Фракии: бантиев, дарсиев, дасилов, датуленгов, дисоров, свтрибов, киконов, ксантов, сатров, сатрокентов, синдонов, трисплов. Большинство упомянутых им племен дальнейшей античной традиции неизвестны, хотя знакомство греков, а затем римлян с Фракией с веками возрастало. Поэтому мы исключаем возможность объяснять столь детальные сведения Гекатея о племенах его большей, по сравнению с более поздней традицией, осведомленностью. Отсутствие в более поздних источниках названий племен синдонов, бантиев, дасилов, дисоров, свтрибов, ксантов, трисплов, упомянутых у Гекатея, вероятно, связано с их исчезновением в более поздние времена как отдельной этнической категории. Процесс этот, шедший на всем протяжении истории фракийцев, на ранних, мало освещенных античными источниками этапах, проследить очень трудно. Может быть, сравнение текстов Гекатея и Геродота дадут хотя бы в незначительной мере возможность осветить пути этого процесса.

Один из них — поглощение более мелкого племени более крупным родственным племенем. У Гекатея упоминается два родственных, если судить по названию, племен — сатры (fr. 167) и сатрокенты (fr. 181). У Геродота названо лишь первое из них, причем трижды (VII, 110, 111 и 112). Сообщения Геродота о сатрах свидетельствуют о его детальных знаниях об этом крупном фракийском племени и его соседях — дальних и ближних. Отсутствие упоминаний о сатроках у Геродота нельзя поэтому объяснять пробелом в его сведениях, но скорее всего полным поглощением этого племени могущественными сородичами. Такое предположение тем более вероятно, что, как это достоверно известно из Геродота, племя сатров включало также и племя бессов (VII, 111 — «бессы из племени сатров»), однако слияние было в этом случае, видимо, не столь полным.

Союз, охватывавший племена от побережий Стримона до Неста, территориально был в центре южнофракийских объединений. К западу от него, как мы уже отмечали, находился союз бизалтов и крестонов, вероятно, в некоторой степени связанный с союзом под руководством орресков. К востоку от этого племенного объединения в то же время или еще ранее (VII в. до н. э.) возник другой союз, которым руководило племя киконов, хорошо известное греческому эпосу и античной литературной традиции; оно населяло земли между устьем Гебра (совр. Марица) и Бистронским озером (совр. оз. Бурю). Хр. Данов, занимавшийся изучением этого вопроса²⁴, пришел к выводу, что до Греко-персидских войн территория киконов включала земли зависимых от них фракийских племен саев и бриантов. Причем последние исчезли с лица земли, поглощенные киконами (наши знания ограничены лишь упоминанием у Геродота, VII, 108 области Бриантика, входящей в Киконию). Можно также добавить, что союз племен под руководством киконов, весьма вероятно, был еще шире и включал также племя ксантов. Это фракийское племя, упоминаемое у Гекатея (fr. 180), бесследно исчезает из античной традиции. Однако у Страбона (VII, fr. 43) упоминается Ксантея, но уже как город не ксантов, а киконов.

Имеются также свидетельства существования южнофракийского союза и в более позднее время, когда на первый план выделяется племя эдонов. В этом отношении

близ Фермейского залива, он замечает: «Страна эта и до сих пор называется Кроссей» (VII, 123). Это выражение «и до сих пор» — безусловное свидетельство знакомства Геродота с очень древним источником. Там же Геродот сообщает, что нынешний полуостров Паллена прежде назывался Флегрою; и здесь современность противопоставляется более древнему времени. Весьма правдоподобно считать, что эта полемика относится к тексту Гекатея и свидетельствует о значительном разрыве во времени между этими источниками.

²⁴ Chr. Danov, Social and Economic Development of the Ancient Thracians in Homeric, Archaic and Classical Times, «Études historiques», Sofia, 1960, стр. 14—17.

интересны события, разыгравшиеся вокруг города, носившего название Девять путей — ἑννέα ὁδοί²⁵. Благодаря своему благоприятному стратегическому положению в устье Стримона и природным богатствам он несколько раз был объектом нападений греков. В период Ионийского восстания его облюбовал в качестве места, удобного для спасения от Дария, милетянин Аристагора²⁶. Трудно сказать, выступили ли уже тогда фракийцы совместно против милетских колонистов; Фукидид сообщает, что Аристагору вытеснили эдоны, Геродот же говорит, что он погиб от руки фракийцев.

Зато сведения о второй попытке захвата Девяти путей греками создают картину организованного военного выступления коалиции фракийских племен. Как известно (Thuc. I, 100; IV, 102), вскоре после битвы при Эвримедонте, вероятно уже в 465 г. до н. э., афиняне захватили рудный район побережья Эгейского моря. Им удалось изгнать оттуда фассосцев и начать колонизацию. С этой целью к Стримону были посланы 10 000 воинов-колонистов, которым удалось захватить Девять путей. Однако для закрепления своего успеха афинянам пришлось предпринять поход в глубь Фракии, который оказался для них роковым. Как сообщает Фукидид (I, 100), они были истреблены «подле Драбеска в земле эдонов соединенными силами всех фракийцев (ἐν Δραβρῆσι τῇ Ἰδωνικῇ ὑπὸ τῶν Θράκων ξυμπάντων)²⁷, которым ненавистно было занятие местности Девяти путей».

Это вполне четкое сообщение источника о союзе фракийских племен внушает нам полное доверие, так как Фукидид был тесно связан с жителями именно этой части Фракии как родственными узами, так и земельными владениями в Скаптеполе, близ которой и разыгрывались описываемые события.

Эти сведения Фукидида как будто расходятся с сообщением Геродота (IX, 75) о том, что предводители афинян Софан и Леагр пали «от руки эдонов в сражении при Датоне подле золотых приисков», так как Датон находится на сравнительно далеком расстоянии от Драбеска и расположен вне границ расселения племени эдонов. Представляется, однако, что эти источники не противоречат, как думает Пердризе²⁸, а дополняют друг друга. Надо лишь считать, что фракийцы нанесли афинянам два поражения — у Датона, где пали афинские предводители, и у Драбеска, где была окончательно разгромлена их армия. При этом слова Геродота естественно объяснить как свидетельство о руководстве эдонами битвой, происходившей вне территории расселения их племени. Таким образом, данные Геродота подтверждают сообщение Фукидида, касающееся объединенного выступления фракийцев. Более того, при сопоставлении этих источников появляется уверенность, что коалиция создавалась не на короткое время, а на длительный срок и ставила целью не победу в одной битве, а окончательный разгром афинян.

Разгром, которому подверглись афиняне, был полный: фракийцы применили внезапную атаку и уничтожили всех своих противников до последнего. Резня у Драбеска произвела удручающее впечатление: много столетий спустя в Афинах у Керамика Павсаний видел стелу, поставленную в память погибших в 464 г. у Драбеска (Paus. I, 29, 4). Успех фракийцев (им удалось удерживать город в своих руках 29 лет) в битвах с десяти тысячной афинской армией, имевшей за плечами опыт Греко-персидской войны, говорит о многом. Для того чтобы его добиться, было необходимо иметь и объединенное военное командование, и четкий план операций. Фракийские племена перед угрозой афинских завоеваний осознавали себя некоей единой в этническом, полити-

²⁵ П. Пердризе (P. Perdrizet, Scaptésylé, «Klio», X, 1910, стр. 11, прим. 5) конечно прав, отмечая, что перед нами эллинизованная форма фракийского названия города, в основе которого лежит имя эдонов — Ἰδωνίσι, Ἰδωνες, Ὠδονες или название их страны — Ὠδονία. Возможно, этот пункт был племенным центром, так сказать, столицей эдонов.

²⁶ Herod. V, 124—126; Thuc. IV, 102.

²⁷ Пердризе удачно полемизирует по поводу разночтений этого места у различных издателей и отстаивает термин ξυμπάντων, фигурирующий во всех рукописях (Perdrizet, ук. соч., стр. 14).

²⁸ Perdrizet, ук. соч., стр. 13.

ческом и экономическом отношении силой. Их военное сопротивление было вызвано, как видим, захватом греками Девяти путей. Очевидно, это чрезвычайно важное в стратегическом отношении место, ключ к речному пути в глубь Фракии, хотя и находилось на землях племени эдонов, но рассматривалось фракийцами как важный для общефракийской безопасности пункт. Нет сомнения и в том, что возмущение фракийцев захватом Девяти путей и их объединенное выступление в защиту города диктовалось и необычайными природными богатствами этой местности, воспринимавшимися всеми племенами как общефракийское достояние: здесь имелся корабельный лес, дерево для весел, золотые и серебряные рудники (Herod. V, 23), рыба ценных пород²⁹, соль и др. (Plut., Cim. VII)³⁰.

Не менее показательно упоминавшееся выше свидетельство Геродота (VIII, 116) о царях двух объединившихся южнофракийских племен — крестонов и бизалтов, который не пожелал подчиниться Ксерксу и ушел в горы, шестерых же сыновей своих, перешедших на сторону врага, ослепил за предательство.

Итак, формы объединения фракийцев были различными: в одних случаях более многочисленное и могущественное племя поглощало более слабое (киконы — брианты); в других — происходило слияние, однако внутри объединения племена все же сохраняли какую-то степень самостоятельности (союз бессов — сатров, союз крестонов — бизалтов); в третьих — члены союза сохраняли свою независимость, поручая союзным органам лишь отдельные общие функции (союз под руководством орресков). При этом нельзя упускать из виду и возможность завоевания одного племени другим.

В основе создания союзов племен, и более крупных и более мелких, лежали общие экономические интересы. Появление у разных племен монет единого весового стандарта примечательно уже само по себе. На создание монетного рынка с единой монетной системой указывает и то, что определенные изображения на монетах разных племен помещались всегда на одних и тех же номиналах. Так, например, изображение человека между двумя быками всегда присутствует только на октодрахмах (вес 28—29 г), какое бы племя ни чеканило их — оррески, ихны или эдоны; то же можно сказать и об изображении кентавра с нимфой, которое фигурирует только на статерах (вес 9,5—10 г), независимо от того, чеканят ли их летайи, дионисии, зеелии или оррески; изображение волна рядом с лошастью появляется тоже только на статерах ихнов, тинтевов, орресков и т. п.

Очень широкое распространение раннефракийских монет, многие из которых найдены не только на территории самой Фракии³¹, но далеко от мест их чеканки — в Египте (около Александрии и в верхней части дельты Нила)³², Сирии (Рас-Шамра), на Кипре, в Южной Италии (Таранто), Сицилии (Мессина)³³ — указывает на интенсивные экономические связи южнофракийского союза племен. Единодушное выступление фракийцев в защиту богатейшего района от Девяти путей до Датона также свидетельствует об общих экономических интересах племен.

Бесспорны и военные задачи этого объединения. Оно возникло в период тяжелых военных испытаний для фракийцев, когда на них обрушились многочисленные удары их соседей, от острова Фасоса до могущественных Афин и Персидской державы, видевших в Эгейской Фракии источник быстрого обогащения.

²⁹ О рыболовстве на Стримоне см. Perdrizet, ук. соч., стр. 10, прим. 4.

³⁰ И в более позднее время низовья Стримона славилась своими необычайными природными богатствами, см. A. Boué, *La Turquie d'Europe*, I, P., 1840, стр. 196.

³¹ В районе Неврокоп — ИБАИ, XIII, 1939, стр. 344; XVII, 1950, стр. 317; в районе Пловдива — ИБАИ, XX, 1955, стр. 609; в районе Софии — «Годишник на Народния археологически музей», VII, 1942, стр. 83; ИБАИ, XV, 1946, стр. 237; XVII, 1950, стр. 318; в Величково, Пазарджикского р-на — ИБАИ, XI, 1937, стр. 248—257; XII, ч. 2, 1939, стр. 452; XX, 1955, стр. 576 сл.

³² H. Dressel und K. Regling, *Zwei ägyptische Funde altgriechischer Silbermünzen*, «Zeitschr. f. Num.», XXXVII, 1927, стр. 1—120.

³³ Cl. F. A. Schaeffer, *Une trouvaille de monnaies archaïques grecques à Ras Shamra*, «Mélanges syriens offerts à monsieur René Dussaud», т. I, P., 1939, стр. 461—479 и карта № 3.

Весьма вероятно, племена были связаны отправлением единого культа — культа Диониса, широко распространенного у фракийцев вообще, а у юго-западных фракийцев — в особенности. На существенную роль этого культа в объединении этих племен указывает то обстоятельство, что все основные изображения на южнофракийских монетах или воспроизводят реальные сцены из ритуала фракийских празднеств в честь Диониса или передают мифологические персонажи, связанные с этим божеством³⁴.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что племена Южной Фракии, так же как их северные сородичи, прошли этап сложения племенных союзов, подготовивший возникновение южнофракийского государства.

³⁴ Т. Д. Златковская, Ранние монеты южнофракийских племен (К вопросу о происхождении культа Диониса), НЭ, VII, 1967.

Т. Д. Златковская

THE SOUTH-THRACIAN TRIBAL FEDERATION IN THE SIXTH AND FIFTH CENTURIES B. C.

by T. D. Zlatkovskaya

In order to determine whether a tribal federation existed among the South-Thracians the author examines the numismatic material. This consists of coins dated in the end of the sixth century and the beginning of the fifth century B. C. and issued by South Thracian tribes: the Bisaltae, Orrescii, Edoni, Ichni and others. The evidence of the literary sources was also studied. Representations on coins minted by the various Thracian tribes show correspondences with one another in several instances, sometimes even as to details. In the history of contemporary Greek coining (issues of the Boeotian federation, of the cities and dynasts of Lycia and Asia Minor coastal cities) this phenomenon always indicated a political federation of the issuing states. This analogous material also shows that coin-type correspondences increase as federative tendencies intensify. The absence of a unified federal issue and the peculiar features distinguishing the coins of individual tribes, even though the type may be common, support the conjecture that at the end of the sixth and beginning of the fifth century the South-Thracian tribes had a very complicated system of small tribal unions which were included in the South-Thracian federation. The latter had limited functions and a rather amorphous structure. Its central component was the Orrescii, economically the strongest tribe. The Ichni also played a considerable role in the federation. The smaller unions within this large one were sometimes closer knit. While common economic interests underlay the Thracian tribal combination, its objectives were undoubtedly military and religious.

ДВЕ ТРАДИЦИИ В ЛЕГЕНДЕ ОБ ЭЗОПЕ

В 1952 г. Б. Э. Перри издал в Иллинойсе первый (и пока единственный) том огромного свода басенного материала под общим названием «Эзопика»¹. Здесь впервые были собраны под одним переплетом если не все (и даже далеко не все) тексты, то по крайней мере все сюжеты греко-латинской басни за тысячу лет ее существования, а в дополнение к ним — «Жизнеописание» Эзопа (в частности, древнейшая и подробнейшая его версия G, опубликованная впервые), «сентенции Эзопа», «пословицы Эзопа»

¹ Aesopica: a Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition that Bears His Name, Collected and Critically ed.... by B. E. Perry, t. I. Greek and Latin Texts, Urbana Ill., 1952.